УРОЧИЩЕ ЛЕШЕГО

ДЕТЕКТИВ • ТРИЛЛЕР

О. ДЭКАЭН

18+

О. Дэкаэн

Урочище Лешего

«Автор»
2026

Дэкаэн О.

Урочище Лешего / О. Дэкаэн — «Автор», 2026

В маленьком таёжном городке годами бесследно исчезают дети. Поиски не приносят результата, и за дело просят взяться бывшего следователя. Её собственное прошлое окутано тайной, а причины ухода со службы до сих пор вызывают вопросы.В напарники ей достаётся человек, с которым она меньше всего хотела бы работать. И чем глубже они погружаются в расследование, тем отчётливее понимают: за исчезновениями детей скрывается нечто пугающее. А вопросов становится всё больше...Что связывает всех пропавших мальчиков? Какую роль в этой истории сыграла давняя авария на лесной дороге? Кто гнал ребёнка сквозь чащу? И какое отношение ко всему происходящему имеет женщина, тело которой было найдено у реки?Ответы скрыты среди старых дел, чужих секретов и следов, которые неизменно ведут в лес.

© Дэкаэн О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Время тает 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

О. Дэкаэн
Урочище Лешего

Глава 1

Время тает

Три года спустя
14 ноября 2025 года

Воздух сероватыми клубами вырывается изо рта давно уже немолодого мужчины, с позывным *"Дед". Пут*ается в выбеленных усах, поднимаясь ввысь, растворяется в сумерках поосеннему нагого леса. Покорёженный недавней бурей осиновый молодняк, то и дело преградой вырастает перед одиноким путником, топорща молочной древесиной на изломе, будто щетиной. Тонкие, игольчатые ветви с кровавыми каплями ягод назойливо цепляются за одежду, будто желая, если не остановить, то хотя бы замедлить.

Ни того, ни другого делать никак нельзя. Градус валится к нулю, воздух холодит пересохшее горло, пальцы в перчатках немеют – а оставшееся у пропавшей девчушки время тает.

"А может, и нет уже времени-то?" – думает Дед, но тут же гонит прочь крамольную мысль. Знает – накликать беду многого не надо. И никакая ржаная краюшка кисловатого хлеба на хмелю, да снежный душистый пряник, оставленный им ещё утром в дар на рассохшемся пне у лесной кромки, не поможет.

Леший всё чует!

Вспоминает, что к ночи обещали первые заморозки. Он и сам чуял... Ещё поутру, задрав голову, заметил вороньё, что чернильными каплями качались на голых верхушках, пряча клювы под угольные крылья, изредка горланя на весь лес.

И это сразу после недели дождей!

В который раз, цепляясь мыском ботинка за торчащую из земли, почерневшую от влаги корягу, Дед ворчит себе под нос, но тут же накрепко смыкает обветренные губы. Хозяин леса шума не любит! Широкой, мозолистой ладонью растирает тяжёлый затылок. Крючковатым пальцем тянет до упора лямку походного рюкзака, что с каждым часом всё настырнее оттягивает плечо. Обводит, давно растерявшим зоркость, взором бурелом, удручённо качая головой. Стылый лес – поганый.

А вокруг сгущается тьма, наполняя сырой, непроглядный лес сумрачными тенями и жизнь вокруг будто замирает. Птицы смолкают, пугливые звери таятся за чернеющей бугристой ко́мелью. Словно и нет ничего вокруг: ни людей, ни городов.

Свой мир, особенный!

Занемевшими от холода пальцами, Дед роется в нагрудном кармане поискового, поверх куртки, яркого жилета. Достаёт свой старенький, в нитях трещин телефон, щурится: без четверти восемь. Его уже не раз вызывали по рации, нарушая враждебной трескотнёй звенящую вокруг тишину, но он всё тянул с возвращением. Знал – сколько не давай себе после время на отдых, новой такой вылазки его старые кости уже не стерпят. Всё ж шестой десяток разменял! Верно жена твердит – надо дать дорогу молодым. Не мальчик уж бегать по заброшенным стройкам, да вот таким непролазным лесам.

Вспоминается, как три года назад только пришёл добровольцем в поисковый отряд. Пришёл, потому что жить не хотел. Спать ночами не мог – кошмары рвали сон, стоило только глаза сомкнуть. В оду из таких ночей, выбравшись из духоты старенькой квартиры, на глаза попался

красно-белый бумажный лоскут, трепыхавшийся на весеннем ветру отклеившимся уголком. В ту ночь он всё для себя решил – захотел искупления...

То время он вспоминать не любил – тяжёлые были годы! Три лета уже минуло, а та нелепая случайность на скользкой дороге изнашивала его старое сердце. И пить он с той поры бросил и прожитую наспех жизнь стал ценить. И сейчас, делая новый шаг, так что натужно стонут колени, шепчет: "Ещё чуток родимые, вон до того просвету, до той опушки. А ну как там она?.." Но стоило ему добраться, потухшим взором он натыкался на всю ту же пустоту.

В сумерках добра не жди.

Наконец, оставив пустую затею, Дед тянет из кармана за тонкий ремешок налобный фонарь, и рассеянный жёлтый луч, ослепляя, мощно рубит лес. И над головой становится черным-черно, и деревья нагие, расступаются, словно в приглашении. Пора возвращаться. Оставаться ночью в тайге, да ещё одному – опасно... Хозяин леса чужаков не любит. Сколько он знал случаев, когда бывалые грибники да охотники пропадали вот в такой чащобе. Зайдут, а выйти уже не могут... И водит их Леший кругами, пока силы не оставят, или сам он не наиграется. Насмотрелся он на такое за последние годы... И верить стал. И угощеницем, каким задабривал. И негласные лесные законы соблюдал.

Наконец, приняв решение, до ломоты в старых коленях, Дед тяжело опускается на поваленную, мшистую корягу, что жалобно стонет под его весом. Кряхтя, стягивает со свинцового плеча рюкзак, нащупывает корпус тяжёлого компаса, следом сложенную вчетверо карту. Сведя густые снежные брови, бормоча себе под нос, водит гнутым пальцем по шероховатой бумаге. Вскидывает голову, кивая своим мыслям. А запихнув пожитки обратно, тяжело упираясь ладонями в колени, поднимается. До дороги – рукой подать...

Осиновый перелесок, откуда пропала девчушка, и где волонтёры нашли первые следы, дугой огибал городскую окраину. Туда Дед и хотел заглянуть напоследок. Чуял, искать нужно в той стороне. Дурость это – думать, что ребёнок уйдёт далеко в чащобу. Выдохнется он, устанет, свернётся калачиком под приглянувшимся деревом или кустом, да впадёт в состояние, ведомое лишь детям, ещё не хлебнувшим ужаса взрослой жизни. Но кто он такой, чтобы лезть? Тот район был исхожен и так и сяк, и в штабе решили *"прихватить"* чуток неизведанной земли.

Эти поиски с самого начала не заладились. По первой совсем ещё молоденькие мать с отцом слишком долго тянули, обзванивая соседей и знакомых, всё отказываясь верить очевидному. Затем власть местная артачилась. И только спустя две суток к делу подключились *они* – поисковики.

Для тех, кто откликнулся на зов о помощи, чужая беда была не пустым звуком.

Дед, как только узнал о случившемся, на своей старой *колымаге* пустился в путь. Уже в дороге набрал номер жены и, услышав родное *"Алло"*, сказал, чтоб не ждала к ужину. В ответ скорее почувствовал, чем услышал тяжёлый вздох и торопливо отключился – не любил разговоры за рулём. После того случая на дороге и вовсе...

Уже потемну добрался до места, огляделся и понял, что до утра в *"поганый"* лес соваться не станет. Да и без него народу хватало – первые группы уже ушли, остальные получали инструктаж. А когда забрезжил рассвет, разлепил глаза, выгрузил своё тело из остывшей за ночь железяки, размял старые кости. Отметился в походном штабе, вместе с координатором обозначив на выданной карте квадрат поиска, и закинув на плечо рюкзак, отправился в путь. Один... Мог бы кого подождать, конечно, но мыслями был уже в том лесу.

"*Маша"*. Именно так зовут ту пятилетнюю девчушку, что отпросившись поиграть у дома, испарилась в предполуденной туманной дымке. Ещё вчера побродив среди *"своих"*, прислушиваясь к разговорам, он отправился взглянуть на треклятый забор, что стал той *"кроличьей норой"*, предательски не уберёгший малышку. Не достающий до земли, со своей задачей тот видно не справился, раз с такой лёгкостью пропустил маленькое тельце, оставив на влажной почве лишь отпечатки детских сапог.

Крохотные следы поисковики находили и дальше в лесу, помечая их яркими пластиковыми флажками. Те, то появлялись едва заметными очертаниями, то терялись на мокрой подстилке из листьев. Будто Леший водил... А рядом со следами детских ног – нетронутая гладь напитанной влагой земли.

Девчушка в этом лесу блуждала одна...

Когда впереди уже проступают далёкие огни городской окраины, подслеповатые глаза выхватывают что-то из темноты и Дед замирает. Оно! Поверх пожухлой травы, в капкане почерневших корней, с пляшущими бликами фонаря на резиновом боку, в одиночестве коротает время детский сапожок, потерявший свою пару. Опираясь пятернёй о бугристый холодный ствол, тяжело опускаясь на колено, Дед выдёргивает из коварной ловушки обувку. Та почти игрушечная в его ладони. Стягивая перчатку с дрожащих пальцев, нащупывает подкладку, вздыхает – искусственный мех давно растерял тепло своей маленькой хозяйки.

Обозначив место флажком, он, кряхтя, выпрямляется, тянется, уж было, к рации, когда желтоватый луч освещает такой долгожданный след: маленький, едва различимый, уводящий в сторону от далёких городских огней. Что ж могло так заинтересовать пятилетку, что она одиночкой петляла среди деревьев?

Ответ он получает, когда выбирается на поляну, лишаём выстриженную на таёжном, лесном теле. Небо куполом мерцает низкими звёздами, осины по кругу, тянут к нему голые пальцы. А поляна молчаливо хранит следы человека. Громадиной по центру темнеет проржавевшая времянка, заваленная хламом: подранное, в пружинах кресло у ржавой, в шелухе синей краски, стены, клетушки деревянных ящиков, мутная стеклотара...

А до дома маленькой Маши – рукой подать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.